ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 4(258) – 2018

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Николай БЕСЕДИН

* * *

Тихая ночь украшена
Звёздным покоем весны.
Граждане спят уставшие,
Видят хорошие сны.

Там, где леса
разбужены
Сладостным
соком корней,

Россия бродит, спотыкаясь…

Лунное вяжет кружево
Переплетенье ветвей.
Лёгкая дымка тумана
Тянется от реки,
И первоцвет на поляне
Светится, как огоньки.
Сонные выкрики птицы
Не нарушают покой,
В таинстве ночи вершится
Судеб ответ роковой.
Русь мой! Переиначить
Нам ничего не дано.
Благословляя удачу,
В поле посеем зерно.
Годы пройдут. И на ниву
Выйдет неведомый жнец,
Нас и сильней и счастливей,
Принявший русский венец.
А нынче на тропках месяца
Роса и светла и легка.
Тайными знаками светятся
Перистые облака.

* * *

Россия бродит, спотыкаясь
О юбилейные года,
И празднует, как будто каясь
За то, что сделала тогда.
И ищет новую дорогу,
Чтобы любезно угодить
И слугам дьявола и Богу,
Да и себя не позабыть.
Но всё туманней над полями
И всё темнее впереди.
Восток тревожит нас и манит.
И Запад – ранами в груди.
И Юг и даже Север вольный
Не обещают мира нам.
А может быть уже довольно
Глядеть Москве по сторонам.
А посмотреть державным оком
России в душу, чтоб понять,
Что путь наш – в жребии высоком:
За правду-матушку стоять.

За правду брошенного поля,
Где нет давно ни колоска,
И сиротливого до боли
Полуживого городка.

За правду русского народа,
Которая богатств важней,
За то, чтоб рос он год от года –
Хозяин на земле своей.
И обращаясь к светлой вере
В добро, в любовь, что высока,
Прекраснейшую из империй
Создать в России на века.

* * *

Ах, как слепит глаза
отблеск свежего снега.
Вот опять обновила наряд свой зима.
Не далёк и не близок
мой путь до ночлега,
Тяжела и легка за плечами сума.
Что же было
в пылающей дали закатной,
Где так просто и ясно
рождалась судьба,
Где любил я случайного гостя,
как брата,
И казалась не тесной отцова изба.
Мы входили в наш мир
с безоглядностью детской,
Веря каждому слову и делу страны.
И её называли мы гордо советской,
Понимая, что ей мы, как дети, нужны.
Что же стало?
Слова, будто листья осенние,
Потерявшие неба живительный свет.
Лучше молча растить
то, что было посеяно
Той великой Державой на тысячу лет.
Лучше молча растить
эти робкие всходы,
Что в глуши прорастают
на русской земле,
Ничего не прося у лукавых народов,
Не щадя живота ни в бою, ни в труде.
Ах, как слепит глаза
отблеск свежего снега!
Вот опять обновила наряд свой зима.
Не далёк и не близок
мой путь до ночлега,
Тяжела и легка за плечами сума.

* * *

Может, снова повторится
В полуяви, в полуснах
Прилетающая птица
С чёрной бусинкой в глазах.

Протяну я ей ладони:
Притомилась? Сядь со мной.
Не спасёшься от погони
Этой жизни роковой.

Лишь коснётся и растает
В переменчивости дня.
Только бусинки оставит
На ладонях у меня.

В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Ещё сквозь ночь неразличим рассвет,
И слабые не укрепились верой.
Ещё в сердцах любви как будто нет
И правят гордым разумом химеры.

Но ширится, но множится поток
Идущих к храму в упованье чуда.
И о спасенье возгласил пророк
В грехах своих покаявшимся людям.

Зажглась звезда в вечерних небесах
Как вестница Великого Свершенья.
Повержен ад.
И смерть – всего лишь прах.
И вечен дух в горниле воскрешенья.

Глаза людей надеждою полны:
Воскреснет Он
и мир вослед воскреснет
В добре и в правде,
в жизни без войны,
В трудах насущных,
в радостях и песнях.

В людских руках свечей,
как звёзд, не счесть.
Вдыхают в лад и выдыхают вместе.
– Христос воскресе! –
льётся неба весть,
И вторит храм:
– Воистину воскресе!

* * *

Душа всё помнит.
Память коротка –
В ней миг запечатлён,
в душе – века.
Перебирает в прихоти эпохи.
И эта в мраке зла, и эти плохи.

Предчувствие блаженства в небесах
Её томит, рождая смутный страх
От вечной неизвестности исхода
Борьбы со злом.
Плоть – странная порода,
Ей ближе память – блёклая строка,
Ей ближе миг.
А для души – века.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

* * *

Руки впаялись
в объятья,
словно
в кириллицу
ять!
Не разжать!
Не разорвать!

Перечислю – звёзды, Врубель, дети…

Разве только вместе с руками
моими тебя от меня оторвать.
Руки мои – искрят проводами
в тысячи вольт и ватт!
А я заряжена солью-слезами,
русскими сказами, лесом, полями,
ты мне – мой Авель! Мой брат!
Как отпустить тебя
встретиться с Каином:
с Нерусем-воином, что за чертой?
За виноградною, красной окраиной
в разэсэсэриной родине? Стой!
По ноги, под руки кинусь! Буланому
в сбруе серебряной я нашепчу,
чтобы хозяин был с ляхами, панами
поосторожней! Что меря и чудь –
финно-угорская дюже презлющая!
В мире смешалось всё.
Ось сорвалась.
Спицы нам в рёбра
натыканы пущами.
Видно, столетьями плавили злость.
Я – на дорогу, на рельсы,
на взлётные
полосы тело кидаю своё – удержать!
Кабы могла,
то разбила твой сотовый.
Коли не брат – так упала б в кровать!
Нерусь треклятая, жадная, зычная
(нерусь бывает и русскоязычная!),
купленная за подачки, борзых,
дачи в Майями, за евро-монеты.
Русь – это больше! Не просто язык!
Русь – это космос и солнца рассветы!
О, как мне нынче ужасно и больно.
Слово, что кость, давит певчее горло.
Словно нутро моё сплющено, смято.
Боже, не дай вам отъять,
как я – брата,
зная, что камень у Каина, смерчи,
грады, ракеты, штыки и снаряды,
я не могу, чтобы "аривидерчи",
"чао-какао"… Пускай искалечен.
Но возвращайся обратно!

* * *

Сердце вырывается – в потоке
я со всеми – женщинами, миром,
с белым светом. Мы не одиноки.
Статус мой, как все здесь, пассажира!
Статус мой – в метро, на эскалатор,
обогнать старуху в тёплой шубе
и еврейку, что с лицом помятым,
и таджичку! Стоп!
"Михайло Врубель!" –
пела я, вздыхала, умирала!
Стены плача строила забвенно!
Здесь для нас творил художник яро,
из-за нас он резал свои вены!
Мой народ –
планетный, звёздный, гордый…
Ах, мужчина, локтем – да в лицо мне!
Если надо мною целый город,
надо мною кладбище, что с Цоем.
Площадной,
Васильевский здесь остров,
жжётся так, как будто током песня,
что ж вы не пришли,
товарищ Бродский,
умирать, коль обещали, здесь вот?
Перечислю – звёзды, Врубель, дети…
Посчитаю – сердце. Только сердце!
Чемоданы, сумки, вещи, сетки…
Ток по мне. Во мне. Амперы, герцы.
Теснота. Обгон. Обход. И давка.
Ничего не смыслю я в культуре!
Лишь в душевных муках и удавках,
в боли, фобиях и в пуле-дуре.
Кукловоды нынче, куклы-нити,
теле-бред и теле-блуд исподней.
"За три моря" уходил Никитин,
за три неба я иду сегодня.

Парапет. Скульптуры.
Львы вмерзают
прямо в лёд, зубами держат цепи.
Снег и всё тут.
Тучи, сборы, стаи.
Зыбь столетий.
Выдыхаю, пар летит над Мойкой,
шарф срываю яростно и грубо.
Бродский умер
в ветреном Нью-Йорке.
В Петербурге от чахотки – Врубель!

* * *

Я настолько полна Россией,
всем русским:
долинами, сказами, купавами, небом,
что под кожей моей,
под моей блузкой,
под ребром моё сердце
пропахло хлебом.
И когда я беру гребень,
чтоб расчесать свои косы,
слышу, как в мои полушария,
в их рощи
православное древо
вцепилось белёсо,
корневищем упёрлось
в судьбиные толщи.
И когда я была ещё маленькой,
словно оставалась в ребре твоём,
милый, до срока,
мне на радость,
на счастье ковали подковы
занебесные силы Ильи-пророка.
И когда в Чёрном море,
в багряном помине
были кинуты доски на берег, на сушу,
для меня мастер высек
оклад для картины
и обил его бархатом
из лучших лучшим!
Из груди моей
красные флаги не выдрать,
первомаи не выдуть,
не выгрызть Европам,
про зюйд-весты, норд-осты
кричат только выдры,
я про "покачень" с "межником"
зрю твердолобо!
Я такая женщина-женщина,
я такая русская-русская,
и если враг вставит мне в спину нож,
то увидит
в глубокой ране –
поля с трясогузками
и дедушкин дом,
тёплый и безобидный.
И каждую ночь из всех снов выживают
глубокие космосы,
режутся в пропасть,
пишу "К Мельпомене".
Гораций, Державин,
мой текст наловился на ваш.
Ух ты, опа!
Керамикой, шёлком, обрядом!
А пальцы
мои в золотых, книжных фразах
пыльцовых!
Но вы не печальтесь!
Прогрызли канальцы
слова мои в думах читателей новых!

* * *

Для Руси сто веков,
я скажу вам, не срок,
это жаркий костёр, что пылает во тьме.
Что во мне (до меня!).
До того, как курок
возведён был, до стрел,
до копья, до камней!
И до скифского лука, пищалей, секир,
всем, чем шрамы наносятся
в спину, в ребро.
А из этих ранений багряных –
весь мир
вырастает, и льётся поверх серебро.
А из этих ранений голубки летят,
из глубоких, колодезных зори встают.
Ей отраву дают, зло, исчадия, яд.
Русь святая в ответ:
сажень правд, солнца пуд!
Кладовая моя! О, Лилейная, ты!
Для Руси сто потерь,
я скажу вам, не крах.

У неё свой обмер.
Свой объём высоты.
Как дитя, она космос качает в руках!
Если Пушкин – всегда!
Тютчев, Лермонтов, Блок,
Римский-Корсаков, Глинка –
таких легион!
Ничего ей – не время.
Ничто ей – не срок.
Ничего ей – война.
И проклятья вдогон.

У неё есть идея. Она же мечта:
в каждой боли
дымится сквозь пулю и штык.
Её угль, её пепел, зола, береста,
что в кленовых ковшах.
Если вечность ей – миг!
В её пальцах. О, тонкие пальцы её!
О, возможность светиться
и переплавлять!
Людям что? Люди молятся за бытие,
хлеб да мясо,
за зрелища и за кровать!
И в иступе, испуге и в пьяном хмелю
не о царствии неба под небом вопят.
А я больше и горше Россию люблю,
если трудно ей, если торнадит Пилат.
Но не выколодовать,
не сломить, не продать
на Титаник билет ей по сходной цене.
Алтари наши с нами и Божия рать.
Для Руси не огонь даже сотни огней!
И когда я скажу – не залепите рот!
И когда закричу – не содвинете мрак!
Из груди вам не выдернуть
мой русский ход.
Если выдернуть,
то вместе с сердцем. Вот так!

* * *

На моей стороне – кто, я знаю всех,
на моей стороне широка броня!
От такой беды… Мне в сугроб осесть,
подкосились ноги тогда у меня!
На моей стороне
всё понятно без слов.
Со словами. Без фраз.
Улыбаясь. И без.
Бусурмановы гидры осьми голов
не пройдут сквозь мой
многохваткий лес.
На моей стороне воскресает Бог,
а на вашей он много раз распят!
Искорёжен космос моих дорог,
и зияют дыры сквозь волчий взгляд!
На моей стороне никого не купить
ни за тридцать сребреников,
ни динар!
И особый отсвет в ладонях нить
Ариадн оставляет всем нашим в дар.
А на вашей,
на чёрной, на мутной – блуд,
теле-бред, наживка,
по трупам ходьба.
И куда ни пойди, у вас предадут
за печеньки, за доллары, за хлеба.
Где же, где эта пропасть,
что делит нас,
оставляя зазубрины на челе?
Как она между братьями разлеглась.
Снова Каин – да с шашкой! –
воссел в седле.
В чёрных ранах – Танатос,
копьё и меч,
в чёрных пулях
сверхядерная стыдоба!
А по мне так проще и лучше лечь,
амбразуру накрыв,
чем душу продать!
Но отчего же, у наших, у нас
сердце доверчивей из всех сердец?
Грабят. Сжигают.
Рвут мясо, бац –
в кость позвоночную метит подлец!
Вот я читаю: "Царь Менелай
ноющим в прахе Патрокла узрел…".
Значит, больше глотай, узнавай.
Будь захребетней! Таков твой удел.
Смысл я свой знаю,
роскошный синдром!
Всю виноградную, пряную снедь!
Вряд ли осилит ваш общий дурдом
наших небес высочайшую твердь!

ОСКОЛКИ

Смеются глупцы четверть века –
Взорвали страны монолит.
Но можно ль назвать человеком
Того, чья душа не болит

По миру, который порушен
И пущен бездумно на слом?
А новый и подл, и бездушен,
Хоть хочет казаться орлом.

Но это ему не по силам,
Забыл он заветы Христа,
На дедовских пляшет могилах –
Не жаль ни звезды, ни креста.

Осколки же от монолита
Летят и летят, и летят…
О том, какова их орбита,
И думать глупцы не хотят.

О, Господи! Как будут долго
Они возвращаться назад?
И всё же вернутся осколки
И многое в прах поразят…

Отменили праздник Октября!
Неужели, всё, что было, – зря?".

Бабка ему зло: "Трезвее будешь.
Старый чёрт, скорей угомонись!".
И уже с теплом в хмельной остуде:
"Помнишь, как мы жили?
Как все люди,
С радостью… Но вот и дожились!

Что там праздник –
отменили жизнь!..".

РАЗИН

Кажутся с кремлёвских башен
Люди размером с овец.
Башням и Разин не страшен,
Так как ещё он – малец.
Вот и бояре без страха
Шкуру сдирают с крестьян…
Кто в кумачовой рубахе?
Разин. Уже атаман.
Он, взяв удачу с собою,
Веря, что не пропадёт,

А как же нужен
для молитвы час!..
Замок стальной глядит,
как сторож, строго.
И скольких путников
Бог не услышал нас?
И мы бежим,
и мы не слышим Бога…

Сергей ЗУБАРЕВ

ОЖИДАНИЕ

Вчера рвал
душу
на куски,
Вином
сегодня клею,
Но
не избавлюсь
от тоски,
Что стала
только злее…

Твоей молнией ещё не был…

ДЕД ЕГОР

– "Золотое" быдло
возомнило себя элитой,
Только лишь потому,
что оно богато, –
Дед Егор сплюнул в траву
и выдохнул дым сердито,
Бросил окурок и выругался матом.

Посмотрел с грустью
на темнеющие вдали тучи,
Из них сочился закат,
как кровь из ранки:
– Я родился и жил
в той стране, что была могучей,
И там лучшие шли
с гранатой на танки,

И золотые мальчишки
там у станков стояли,
Вняв словам "Всё для фронта!
Всё для победы!",
Дни и ночи ковали победу,
и вёл к ней Сталин,
А теперешний путь никому не ведом.

Ну, куда вы, мажоры,
несётесь на иномарках?
Золотого тельца схватили за яйца?
Подумали б о своих –
время придёт, будет жарко.
А зашкварчишь глазуньей,
не удивляйся.

Дед Егор замолчал,
а в глазах было столько грусти.
Он свой взгляд обратил
к высокому небу:
– Господи, когда меня
к однополчанам отпустишь?
Я – солдат!
Твоей молнией ещё не был…

ЮРОДИВЫЙ

"Не любим мы Бога,
не любим и Родину,
Да что там страна,
мы не любим себя, –
Кричал на базаре
какой-то юродивый, –
Мы жизнь прожигаем,
бесстыдно губя.

Продали, что можно,
страну разбазарили,
По миру пустили советских людей,
А новые русские, новые баре ли –
Легко отказались от светлых идей.

Грехами мы тяжкими
насмерть повязаны:
Верхи – те воруют,
низы – горько пьют,
Гнилая скамейка
под старыми вязами,
Она лишь бомжу дать готова приют…

А сколько в России
таких неустроенных?
Да кто их считал!
Всей стране не до них", –
Вдохнул в себя воздух,
на фруктах настоянный,
И вдруг замолчал,
будто дал кто под дых.

И кто-то жалел бедолаженьку этого,
Его обтекал суетливо народ,
Какой-то остряк
продавцу посоветовал,
Неспелой хурмою заткнуть ему рот.

Забился юродивый птицею раненой,
Под чьи-то смешки
и под крик "Твою мать!..".
Раздался над ним
грозный окрик охранника:
"Ступай, гражданин,
не мешай торговать".

ОПТИМИЗАЦИЯ

А снится нам трава,
трава у дома…
Анатолий Поперечный

Вы были в деревне,
где только трава и растёт?
А группа "Кремляне"
нам сладкую песню поёт
Про рост ВВП и другую поёт лабуду…
А я к той деревне
тропинку никак не найду.

В некошеных травах
давно затерялась она,
Тоскою щемящей
повисла над ней тишина.
Рассветною ранью
не слышно мычанья коров,
Заросшее поле
забыло про гул тракторов.

Здесь время застыло –
давно петухи не поют,
В той мёртвой деревне
и люди уже не живут.
А сколько в России
убитых таких деревень?
Всё меньше России
в стране каждый день,
каждый день…

Кресты на погостах гниют,
с неба каплет вода.
Ни дети, ни внуки
сюда не придут никогда.
Не Гитлер с Мамаем
прошлись по России с косой,
И кто мне ответит,
что с русскою будет душой?

Колодезный сруб
стал трухой и крошится в осот.
А группа "Кремляне"
всё песню поёт и поёт…

ДЕДОВСКИЕ ПЛАЧИ

Дед Евсей вернулся с огорода,
Яростью бессильною горя.
Бабку он достал, крича: "Уроды!
Отменили праздник для народа,

Двинул с донской голытьбою
За зипунами в поход.

Время в боях или пьянке
Не выбивает из сил
Так, как мольба персиянки –
Взгляд её он не забыл.

Зиму с душою смурною
Он отдохнёт на Дону.
И, отдохнувший, весною
Снова пойдёт на войну.

Будет он снова в ударе
В свете багрового дня.
Всё! Трепещите, бояре! –
Разин седлает коня.

ПЛАЧ ПЕРСИЯНКИ

Судьба моя печальна, но высока.
Став пленницей донского атамана,
Нож не точила полночью глубокой
И не бросала яд на дно стакана.

Из снов,
что снились душными ночами,
Давно я знала, явишься за мною.
Ах, Стёпа, утоли мои печали!
Ах, милый, назови своей женою!

И я б тебе была до смерти верной
И черноглазых деток нарожала б.
Я полюбила б Дон в зелёных вербах,
Ты от меня бы не услышал жалоб.

Иглою, что острей любого жала,
Я б шила тебе красные рубахи.
И я б тебя в объятьях удержала –
Ты не сложил бы голову на плахе.

А я бы рыб собою не кормила,
Уснув навеки
в волжских донных травах.
И я б тебя звала:
"Любимый!", "Милый!".
Эх, как с тобой зажили б мы на славу!

И жили б мы с тобой, не зная горя,
И не было бы в мире нас безвестней,
И по утрам нас целовали б зори…
Но мы б тогда с тобой
не стали песней!

НА СВАЛКЕ

Над ней вороны кружатся и галки,
Там копошатся грязные бомжи…
Короче говоря, кипит на свалке
Уродливая, страшная, но жизнь.

Один нашёл вон полбутылки пива,
Другой, фартовый, палку колбасы,
А третьему достались –
он счастливый! –
Старинные настенные часы.

На что они ему? Где его стены?
Знать время ему тоже ни к чему.
Оно застыло для него мгновенно,
Лишь в руки взял бродяжию суму.

А это кто, с манерами Сократа,
В сторонке греет руки у костра?
Философ местный и уже поддатый, –
И хорошо! – как, впрочем, и вчера.

И он изрёк торжественно и жалко,
"Войну и мир" доставший из огня:
"Страна,
в которой книги жгут на свалках,
На страшные пути обречена!..".

СНОВИДЕНИЕ

Сегодня проснулся не в духе.
От сна отойти не могу…

…Черёмуха. Чёрные мухи.
Стрельба на другом берегу.
Ревут и рычат бэтээры,
Стрекочет в траве пулемёт.
Удушливым запахом серы
Оттуда всё резче несёт.
И дым над испуганной речкой,
И раненый тонет закат.
А берег тот мины всё мечет,
Там с неба всё сыплется ГРАД.
Тот берег трясёт от разрывов,
На этом цветут васильки…

Проснулся. Живой! Что за диво?!
Забылось названье реки,
Но помню молящие руки
На горькой Заречной Руси.
Всё тише становятся звуки:
"СПАСИТЕ! Спасите! спаси…".

СОН ВЕТЕРАНА

Отступали. Уходили из Киева.
В спину взгляды горькие,
полные слёз.
И немые укоры душу выели,
И кричала душа в ответ на вопрос:
"Мы встретимся,
мы обязательно встретимся!
В Киеве. На Крещатике.
После войны.
От алых флагов и улыбок
город засветится,
Город, который спасти мы должны

От фашистской поганой нечисти,
Впрочем, как и Москву,
Ленинград…".
А далее снилось,
как пламя мечется…
Не досмотрел. Разбудил его "Град"!..

* * *

Часовенка закрыта на замок
На месте,
в прошлом взорванного, храма.
Наверно, в ней бы помолиться мог
Любой прохожий, но боятся хама,
Который её может осквернить…
И в ту ж минуту в узелки вопросов
Завяжется крамольной мысли нить:
"Зачем же вложен труд каменотёсов
В неё с трудами прочих мастеров,
Коль в ней нельзя
тихонько помолиться?
И коль ни от дождей, ни от ветров
В ней путнику на время не укрыться?".

…У женщины пропала дочь –
Вдруг не пришла из школы.
И как, скажите, ей помочь?
Уж восемь лет, как день и ночь
Всё слышен дочкин голос.

Ей сердце говорит – жива!
Душою в это верит.
И слышит, как растёт трава,
Не то, что скрипнут двери.

И просыпается в ночи
От сна очередного.
И кто-то ей во сне кричит:
"Ты дочь обнимешь снова!".

А сколько выплакано слёз,
Одна подушка знает.
Такой бы ливень крышу снёс
Любому, мать честная!

Она ждёт дочь, – надежды свет
Всех ярче освещений! –
И отмечает восемь лет
Все дни её рождений.

А сны всё снятся. Вновь и вновь.
И в снах тех дочь – живая.
Надежда, вера и любовь
Её не оставляют.

Не оставляй и дай же, Бог,
Ей отыскать потерю.
И, как бы подводя итог,
Я говорю: "А я бы смог,
Вот так же ждать и верить?..".

ПИСЬМО МУЗЕ

Крутились строки в голове
И обещали стать стихами
Про дождь, бегущий по траве…
Но тут меня обрызгал "хаммер",

Обрызгал с головы до ног.
Стою я весь в грязи, зверею.
Мне в это время, видит Бог,
Совсем уже не до хорея.

Так и живём: то тьма, то свет,
Грех совершишь, придёт расплата.
Стою и гонщику вослед
Я посылаю ямбы матом…

P.S.
Хочется взвыть и заплакать
(Стих – это поступь и стать!),
Если ж я злой, как собака,
Что я могу написать?..

* * *

"Я не целковый,
чтоб нравиться всем", –
Однажды сказал поэт.
В жизни довольно сюжетов и тем,
Где каждый найдёт свой цвет
И песню. Тот слышит песнь соловья,
А этот филина плач…
Кровью пиши! эта песня твоя –
Страховка от неудач.
А нравиться всем… Зачем это всё?
Любимыми будь любим.
Пройди по росе босым, как Басё,
Растай, как бумажный дым.
И там, в бледно-розовых облаках,
Навек обретёшь покой.
Будь счастлив,
оставшись здесь на устах,
Хотя бы одной строкой.

САКУРА В АНАПЕ

Занесло тебя ветром каким
От Японского к Русскому морю?
Захмелевшая в розовый дым
Ты с кубанскими вишнями споришь
И, бахвалясь заморской красой,
Манишь пчёл к себе веткою каждой.
Надыши лучше мне про Басё,
Он о вишнях писал не однажды.
Нашепчи о поэтах иных,
Наколдуй о прекрасной Комати…
Стоишь ты тысяч строк золотых,
Здесь цветя, в нежно-розовом платье.

Но и русские вишни в цвету –
Глянь на них, – ах, какие невесты!..
Только время ничью красоту
Никогда не щадит, как известно.
От него нам лекарств не найти,
Будут посланы в срок снегопады…
А покуда цветётся, цвети
И красой своей вешнею радуй.

* * *

А мы летим, а мы спешим,
и в гонке этой
Порой не слышим крик души,
летящей к свету.

Она летит на огонёк,
в мечтах о рае,
И в пламени, как мотылёк,
она сгорает.

А мы – о славе, о деньгах,
насущном хлебе…
А нам бы вспомнить о друзьях,
высоком небе,

Как в детстве, радостью дыша,
прижаться к маме…
Спохватимся, когда душа –
за облаками.

И боль невысказанных слов
терзать нас будет.
Мы – сокрушители основ
иль просто люди?

Ну, вот и ты в ответ молчишь,
не слыша крика,
А в небе что-то пишет стриж
в восторге диком.

Вот так и мы писать должны
своим любимым.
Да обрываются все сны,
растаяв дымом.

– Звони, любимый, поспеши!
Черно иль звёздно…
– Пиши, любимая, пиши! –
пока не поздно…